

Основные этапы сирийского кризиса. (2011-2015)

Ахмедов Юрий Владимирович

E-mail: youdontknowme@list.ru

Основные этапы сирийского кризиса (2011-2015)

Еще в январе-феврале 2011 г. режим Асада был твердо уверен в том, что Сирия обладает особым иммунитетом против революций. Подобное отношение было ясно продемонстрировано в интервью Асада, которое он дал 31 января 2011 г. Wall Street Journal. Правящая партия ПАСВ проводила мероприятия и готовилась к предстоящему ранней весной XI съезду. В армии и спецслужбах оживленно обсуждали январские указы главнокомандующего о новых назначениях, увольнениях и повышениях. Действительно, на появившиеся в конце января, феврале 2011 года в «Facebook» и «Twitter» призывы сирийской оппозиции к гражданам выйти на улицы откликались в основном сотрудники сирийских спецслужб и любопытствующие журналисты. Случавшиеся единичные акции протеста носили спорадический характер, и в ходе них не выдвигалось никаких политических требований. Демонстрации протеста в Дамаске 15 марта 2011 года, которые считаются точкой отсчета революционных событий в САР, не получили должной оценки властей. Арестованные в ходе них граждане были вскоре отпущены. И даже когда произошли события в Дерья (17-18 марта) и Латакии (25 марта), где пролилась кровь, и были использованы ударные части сирийских сил правопорядка, представители власти были не склонны драматизировать сложившуюся ситуацию, особенно на фоне недавних событий в Тунисе и Египте и происходящего в Ливии и Йемене. Действительно, выход людей на улицу носил не столько организованный характер, сколько стал ответом на неадекватные действия сил безопасности в отношении 14-15 летних подростков, которые оставляли оскорбительные для режима граффити на стенах. Демонстрации проходили преимущественно мирно, без явных признаков этнической и конфессиональной розни, и затронули лишь ряд провинциальных центров. Выдвинутые оппозицией политические требования; расширения прав и свобод, носили в основном общий характер. Демонстранты не требовали смены режима, тем более отставки президента. Наоборот, накануне и после выступления Башара Асада 30 марта в Народном совете (парламенте) Сирии по улицам крупнейших сирийских городов Дамаска и Халеба прошли многотысячные шествия в поддержку президента и его курса реформ¹. Однако вопреки ожиданиям большинства в самой Сирии и за ее пределами сирийский президент не объявил о принятых им конкретных решениях по реформам, не осудил избыточное применение силы против демонстрантов и не выразил соболезнования родственникам погибших в ходе волнений в Дерья. Президент заявил, что Сирия стоит на верной стороне истории в отличие от мубураковского Египта. Ответственность за произошедшие «беспорядки» в стране президент возложил главным образом на происки внешних врагов. Несмотря на это, кредит доверия к властям Сирии и лично президенту оставался достаточно высоким в различных слоях сирийского общества. Большинство сирийцев, несмотря на то, что «барьер страха» дал заметную трещину после событий в Дерья, не хотели революции, опасаясь жестких действий служб безопасности и не желая повторить судьбу своих соседей в Ираке и Ливане. В глубине души они надеялись, что их президент и его единомышленники во власти сумеют урегулировать положение мирным путем. В течение нескольких последующих месяцев Асад провел ряд важных мер и принял программу ускорения реформ в политической, законодательной и административной сферах. Предложенная президентом программа реформ в целом носила достаточно прогрессивный характер. Однако простые сирийские граждане не увидели в ней адресности

и ответа на свои социальные запросы. К тому же с реформами власть сильно запоздала. Многие в Сирии надеялись, что именно эти реформы начнут осуществляться в 2005 г. после X съезда ПАСВ, в документах которого были отражены их основные положения. Вне зависимости от желания сирийских руководителей сама логика событий заставляла предположить, что власть может проводить реформы только под давлением, а их серьезность и глубина зависят от решимости протестующих продолжать выступления. К началу лета 2011 года протестные движения охватили практически все наиболее значимые городские и сельские центры страны. Носившие вначале мирный характер демонстрации, постепенно переросли в ожесточенные столкновения протестующих с силами правопорядка, в результате которых счет убитых и раненных с обеих сторон пошел на десятки и сотни. Не смогли устоять прежде спокойные столичные города – Дамаск и Халеб. К началу лета 2011 года стало очевидным, что силовая составляющая играет ключевую роль в политике власти по отношению к народным протестам. В рамках действовавшей политической системы иной реакции власти на подобные события было сложно ожидать. В условиях новой президентской власти Башара Асада продолжали сохраняться основные параметры прежней модели государственного устройства, созданной его отцом Хафезом Асадом за 30 летний период (1970-2000 гг.) правления страной. Отличительной особенностью выстроенной Х. Асадом модели являлась институализированная форма авторитаризма и сильное с точки зрения безопасности государство. На протяжении последних 40 лет характер военно-гражданских отношений в САР определялся приоритетным мнением военных в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны. Поэтому не было ничего удивительного в том, что управление кризисом было полностью отдано в руки военных, прежде всего специальных служб. Именно они и определяли на всех последующих этапах развития кризиса не только судьбу режима, но и всей Сирии. Поведенческий стереотип различных политических и гражданских институтов государства в условиях жестко структурированной и вертикально выстроенной модели политического устройства мотивировался транслировавшейся сверху² установкой – протестные движения суть результат заговора врагов Сирии. Жестокие действия режима по подавлению восстания и многочисленные жертвы среди мирного населения серьезно осложнили международное положение страны. В результате сирийские события получили широкий международный резонанс и привели к интернационализации конфликта. На рубеже 2011-2012 гг. в сирийском революционном движении, которое прежде отличалось в основном мирным характером, наметилась устойчивая и быстро развивающаяся тенденция его милитаризации и перерастания в вооруженную борьбу. В течение 2013-2014 гг. ситуация стала стремительно сдвигаться в сторону начала полномасштабной гражданской войны. В то же время, сирийский режим не был готов идти на кардинальные реформы политической системы и постепенную смену власти. Однако, то, что сегодня происходит в Сирии, вряд ли было бы справедливым называть «исламистской» революцией. Скорее это народное вооруженное восстание, которое снабжается и финансируется, прежде всего, из исламистских источников. Достаточно быстро те, кто взялся за оружие оказались в полной зависимости от тех, кто мог их снабдить этим оружием. Как правило, подобная помощь, особенно по мере ее роста, зачастую предоставлялась в зависимости от лояльности групп сопротивления исламистской повестке, что на практике выражалось не только в выборе названия отряда, но и особом поведенческом стереотипе (установление шариатских законов, например) на освобожденных территориях. Радикализации сирийского конфликта и превращению его в межрелигиозную борьбу во многом способствовал сам режим. Избрав силовую тактику подавления сирийского восстания, Б.Асад и его близкое окружение неизбежно должны были найти себе «главного» противника в лице экстремистов. Поэтому первый и самый сильный удар был нанесен по светским, демократическим силам. Те, кто в марте 2011 года

вышли на улицы сирийских городов с патриотическими требованиями реформ и свобод, очень быстро оказались перед выбором либо вовсе остановить мирные протестные акции, либо взяться за оружие. Многие гражданские активисты и их лидеры сильно колебались и предлагали иные методы воздействия на власть. Но рост насилия и жестокость действий власти в отношении мирного гражданского населения вынуждал многих, особенно, молодежь братья за оружие. В условиях «ассиметричной» войны, когда режим использовал авиацию и артиллерию для бомбардировки захваченных повстанцами районов, а вооруженное сопротивление испытывало острую нехватку оружия, акции смертников стали единственным средством поддержания баланса сил на поле боя. Это дало мощный рост джихадистским отрядам в силах вооруженного сирийского сопротивления и способствовало на начальном этапе росту их популярности среди части населения освобожденных районов. К тому же привлечение Асадом иностранных наемников из Ливана, Ирака и Ирана, ряда других стран, вызванное серьезными потерями в живой силе национальных вооруженных сил и отсутствия должного боевого опыта у новобранцев, легитимизировало в глазах части местного населения участие в боевых действиях джихадистов из других арабских стран. Как утверждалось в январском 2014 года докладе, подготовленном командованием Сирийской свободной армии (ССА), за годы конфликта общие потери правительственных войск составили 65 тысяч человек убитыми. При этом необходимо иметь в виду, что общая численность дезертировавших солдат и офицеров равнялась (февраль 2013 г.) приблизительно 100 тысячам человек. Неудивительно, что на рубеже 2014-2015 гг. режим уверенно контролировал не более 30%. Начиная с 2012 года, что бы компенсировать указанные потери, Б.Асад был вынужден призвать на помощь иностранцев. Это, прежде всего, боевые отряды ливанской «Хизбаллы», общая численность которых по разным оценкам составляла от 10 до 14 тысяч бойцов, а также иракские шиитские военизированные бригады «Абуль Фадль Аббаса» (несколько тысяч бойцов), которыми фактически руководил элитный корпус иранской республиканской гвардии «Аль-Кудс» под командованием генерала Касема Сулеймани. Последний, по данным из источников военной сирийской оппозиции, фактически руководил обороной Дамаска и его пригородов. Данные о количестве иранских военных советников и специалистов, воюющих на стороне Б.Асада, весьма противоречивы и недостоверны. Однако большинство экспертов полагало, что их общая численность не превышала 15 тысяч человек.³ Характерно, что численность самой ССА, состоящей преимущественно из дезертировавших солдат и офицеров, а также отрядов народного ополчения, не превышала 30-35 тысяч человек. Отсутствие поставок вооружений из союзных им стран Запада, главным образом, США, Великобритании и Франции, существенно осложняло ведение ими боевых действий даже против сильно ослабевшей армии режима, не говоря уже о шиитских вооруженных отрядах из Ливана, Ирака и Ирана. Вряд ли они смогли бы долго противостоять этой силе, если бы не поддержка так называемой вооруженной исламистской оппозиции, общая численность различных отрядов которой по разным оценкам колебалась на рубеже 2013-2014 г.г. от 70 до 80 тысяч бойцов. В отличие от Сирийской Свободной Армии (ССА), чью идеологическую основу в целом питали мировоззрения светско-националистического характера, исламские бригады и фронты не испытывали особо сильной нужды в финансировании и оружии, которое поступало им из-за рубежа, главным образом из арабских монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии. Сыграло свою роль и отсутствие должной реакции международного сообщества, которое оказалось бессильным не только остановить, но и осудить жестокие действия режима. Указанные выше обстоятельства раскололи вооруженную оппозицию, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов, и дезорганизовали политическую оппозицию, которая не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой патриотической основе и политической платформе. С другой стороны, возможность

прихода к власти исламистов и создание исламского государства в Сирии настораживали многих сирийцев и зарубежные страны, которые были бы готовы при других обстоятельствах поддержать уход Асада от власти. После провала мирных конференций по Сирии «Женева-1» (июнь 2012 г.) и «Женева-2» (январь 2014 г.), среди ведущих внешних игроков на поле вооруженного конфликта в Сирии стала отмечаться любопытная тенденция, выразившаяся в смещении акцентов и приоритетов в их отношении к Асаду, его режиму и вооруженной исламистской оппозиции в контексте общих усилий выработки «дорожной карты» политического урегулирования в САР. Речь, прежде всего, шла о смене вектора и объекта приложения усилий со стороны США, ряда их основных союзников в Западной Европе и на Ближнем Востоке по разрешению внутрисирийского конфликта. Под впечатлением военных успехов и растущего политического влияния вооруженных исламистов в Сирии, страны Запада и ряд их ближневосточных союзников все больше склонялись к идее приоритетности избавления Сирии от воинствующих исламистов, связанных с «Аль-Каидой», а потом уже от Асада и его режима.